

18+

Квирквелия Ольга

**Бытовая
эсхатология
для ГНАУ**

Ольга Квирквелия

Бытовая эсхатология для гнау

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72068248

ISBN 9785006726413

Аннотация

Эта книга – о смысле знакомых всем слов: вечность, время, тело, душа, дух, жизнь, смерть, бессмертие... Но знаем ли мы их значение?.. Попробуем разобраться через литературу художественную, религиозную, научную. В чем разница между бессмертием и вечной жизнью? Что такое присносущность? Рай – он какой?

Содержание

Оглавление	5
Вступление	6
Глава 1. В ожидании Годо	9
Глава 2. Что, где, когда	16
Глава 3. Жизнь	33
Глава 4. Рождение и смерть	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бытовая эсхатология для гнау

Ольга Квирквелия

© Ольга Квирквелия, 2025

ISBN 978-5-0067-2641-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – о смысле знакомых всем слов: вечность, время, тело, душа, дух, жизнь, смерть, бессмертие... Но знаем ли мы их значение?.. Попробуем разобраться через литературу художественную, религиозную, научную. В чем разница между бессмертием и вечной жизнью? Что такое присущность? Рай – он какой?

Оглавление

Вступление

Глава 1. В ожидании Годо

Глава 2. Что, где, когда

Глава 3. Жизнь

Глава 4. Рождение и смерть

Глава 5. Люди или животные

Глава 6. Дух, душа, тело

Глава 7. Путь. Смысл жизни

Глава 8. Грех

Глава 9. Бессмертие

Глава 10. Любовь

Глава 11. Вечная жизнь и Адорай

Как устроен ад: Краткий путеводитель

Вступление

*Не бойтесь того, что ваша жизнь должна
окончиться,*

бойтесь того, что она так и не начнется
— **Джон Ньюмен**

Размышления об «эсхатологии повседневной жизни» — тема очень актуальная, особенно в третьем тысячелетии христианской эпохи. То, что казалось только порождением научной фантастики, сегодня все больше становится элементом повседневной жизни.

Живя в период коренных перемен, имеет смысл попытаться представить себе будущее, оставаясь погруженным в настоящее — не угадать, что будет, а найти истинное значение того, что у нас перед глазами, слов, которые мы используем, и критериев, с помощью которых стараемся ориентироваться в современности, не теряя полностью связь с прошлым, поговорить о фундаментальных измерениях существования: ожидание и время, жизнь и смерть, связь между людьми и животными, дух и путь, грех и любовь, вплоть до рая, о котором все мы мечтаем так или иначе, на небе или на земле. Не останавливаться на общих местах, обратиться ко всем значениям, художественным и литературным, религиозным или идеологическим, чтобы не сдать перед

нехваткой смысла.

Как это ни странно, есть много слов в нашем языке, о значении которых мы только смутно догадываемся. И я не имею ввиду термины квантовой механики или еще какой-то зубодробительной области знания, нет, эти слова мы употребляем каждый день, даже не удосуживаясь задуматься: «жизнь», «смерть», «человек», «душа», «прошлое», «будущее»... А ведь это все про нас! Получается, что мы не обращаем внимания на самих себя, бредем по дороге жизни, не ведая, куда, не зная, зачем...

Размышления о жизни и смерти – удел не только философов и ученых, они важны для каждого из нас, ведь это мы живем и умираем.

*Каждое утро думай о том, как надо умирать.
Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти.
Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно
будет вращаться вокруг смерти, твой жизненный
путь будет прям и прост.*

Из заповедей японских самураев

Я попыталась собрать воедино мысли и философов, и ученых, и писателей, и библейские тексты, и словарные определения, и личный опыт в надежде хоть немного облегчить понимание самых важных, основополагающих проблем. Но мне хотелось остаться в рамках повседневной жизни, не углубляясь в чисто теоретические, религиозные и возвышенные рассуждения, поэтому в названии присутствует

слово «бытовая». Мне хотелось также познакомить читателей с некоторыми чудесными книгами, поэтому я позволила себе обильное цитирование. Мне хотелось пробудить в каждом воспоминания о личном мистическом опыте (ибо у каждого есть свой мистический опыт, но многие не заострили на нем внимание), поэтому я рискнула рассказать о своем.

Текст получился сложным... Но не даром он адресован гнау...

Глава 1. В ожидании Годо

*Смерть более универсальна чем жизнь —
все умирают, но не все живут.*

Эндрю Сакс

Хочу сразу предупредить – это вопросник, ответов тут не будет. И не потому, что я их не знаю, а потому, что у каждого они свои. Когда-то в храме раздавали такие маленькие книжечки для подготовки к исповеди: список вопросов, на которые надо ответить, чтобы лучше понять свои грехи. Так вот вопросы были для всех одинаковые, но ответы каждый давал свои...

И еще одно предупреждение: этот текст имеет смысл только для тех, кто хотя бы умозрительно предполагает, что земное существование человека не исчерпывает всей его судьбы. Потому что, если атеиста что и интересует за пределами его земного существования, то – максимум – его существование подземное: какой конкретно тип червяков будет есть его тело... И мне нечего ему сказать, я совершенно не разбираюсь в червяках...

Впрочем, я не могу ничему научить и людей верующих, могу только поделиться своими размышлениями. Потому что у каждого своя вера, свои отношения с Богом, каждый делает свой выбор и у каждого свой жизненный путь.

Кстати, а вы идете жизненным путем или дорогой жизни? Потому что тут есть принципиальная разница...

Казалось бы, «путь» – синоним слова «дорога», ан нет! Не совсем одно и то же...

«Дорога» происходит от индоевроп. *dorgh- (связано с «дергать» и означает «продранное в лесу пространство»). Место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами. Дорога – разновидность границы между «своим» и «чужим» пространством. Здесь можно встретить кого угодно, здесь может произойти что угодно... Будучи общим местом для людей и нечистой силы, дорога символически разделялась на две половины: правую – для людей и левую – для потусторонних существ и зверей. Поэтому при встрече с волком переходили на правую сторону дороги, считая, что волк перейдет на левую.

Какие производные от «дороги» существуют? Ну, подорожник, придорожный – и, пожалуй, все. Но эти понятия не связаны с самой дорогой, они как бы при ней... Дорога «ведет» всех, кто по ней идет, неважно куда, неважно зачем...

А слово «путь»? Происходит от праслав. *pŕŭtь, родственного др.-инд. pánthās – тропа, дорога, путь, лат. pontis – мост, тропинка, греч. – море, путь по морю, арм. hun – брод. Сюда же относят гот. – находить, узнавать, fandôn – карать, испытывать.

Википедия утверждает, что путь – это расстояние, которое прошло тело.

Викисловарь более пространен: это

- полоса земли, предназначенная для ходьбы, езды
- линия в пространстве, где что-нибудь передвигается
- место, по которому надо пройти или проехать, по которому что-то или кто-то передвигается

Производные от слова «путь» – попутчик, путешественник, путник, спутник

Заметили разницу? Дорога – рубеж, пространство, прорубленное во враждебном мире, путь – мост, поиск, испытание...

Дорога может существовать и сама по себе, а вот путь есть только для тех, кто по нему идет... На пути мне может встретиться много дорог, тропинок и даже тупиков, но это мое путешествие...

Очень любопытно, что и в итальянском языке, и в итальянских предрассудках ситуация почти аналогичная.

Итак, у нас есть выбор: идти туда, куда ведет дорога, или следовать своим путем.

Но откуда и куда мы идем? Тривиальный ответ – от рождения к смерти. Хотя, если учесть, что мой жизненный путь начался до рождения (как минимум с моего зачатия) и закончится (может быть) после моей смерти, то ответ уже не выглядит таким бесспорным. Конечно, земной путь человека имеет очевидную и универсальную конечную останов-

ку, к которой ведут все дороги.

Однако путь предполагает и наличие его цели и смысла, путь – не блуждание, не прогулка. Даже если предположить, что жизненный путь – это путь от рождения к смерти, то вряд ли последнюю можно назвать целью и смыслом путешествия... Но если мы верим (даже знаем), что конечная остановка – это только мост, врата (или может быть, пересадка) – а именно таковы этимологические корни слова «путь» – ведущие туда, куда мы хотим и надеемся попасть, ситуация кардинально меняется. Тогда нам надо захватить (или приобрести) в путешествие все необходимое (если путь ведет к морю, надо взять с собой плавки, если на Северный полюс – лучше шубу), как-то подготовиться...

И тогда становится очень важным вопрос: *как мы идем?*

Есть такая пьеса у Самуэля Беккета «В ожидании Годо». Она предполагает множество интерпретаций, но одна из наиболее очевидных – и ожидание той самой конечной остановки, и сам путь к ней.

Главные герои пьесы Владимир и Эстрагон ждут некоего Годо. Зритель по своему усмотрению может определить Годо как конкретное лицо, Бога, сильную личность, Смерть и т. д.

Владимир, смутно представляющий, кто такой Годо и зачем они его ждут, но упорно ждущий. Годо ждут, а он все не приходит. Происходит непрерывное и бессмысленное повторение событий на фоне полного бездействия.

«Что мы здесь делаем, вот о чем мы должны

себя спросить. Нам повезло, что мы знаем. В этой чудовищной неразберихе ясно только одно: мы здесь затем, чтобы ждать, когда придет Годо».

Ожидание – состояние, а не процесс. А путь – процесс...

Эстрагон вообще знает о Годо только понаслышке, сомневается и в его приходе, и в том, что его стоит ждать. Время от времени он сбегает куда-то, но там его быют, и он возвращается обратно. Эстрагон ждет Годо скорее за компанию просто потому, что его ждет Владимир... Скажем честно, его «паровоз стоит на запасном пути»...

Время от времени появляются ещё два персонажа – Поццо и Лакки. Лакки – безмолвный и безвольный раб Поцци и его бывший учитель.

Поццо, богач, поведший Лакки на рынок, чтобы продать его, возвращается, не достигнув своей цели (да и была ли она у него на самом деле?). Узнав, что Владимир и Эстрагон ожидают Годо, он говорит:

«Я тоже был бы счастлив его встретить... Если бы у меня была назначена встреча с этим Годом... Года... Годо... ну, вы знаете о ком я, я бы ждал до поздней ночи, прежде чем уйти. (Смотрит на часы.) Но мне пора идти, если я не хочу опоздать.»

(помните, у Высоцкого: «в гости к Богу не бывает опозданий...»). Во втором акте Поццо слепнет. И его ведет дорога – к иллюзорной, мелочной цели, до которой он никогда не доберется...

Лакки, покорно тащащий неизвестно куда свою (на самом деле чужую) поклажу, повинующийся неизвестно почему чужой прихоти, бредущий неизвестно куда и неизвестно зачем. И во втором акте он появляется уже оглохшим. Его ведет дорога...

Вот четыре отношения к жизненному, земному пути и к тому, куда он ведет:

- покорное и бессмысленное, тягостное существование, глухота ко всему, что извне;
- суетное стремление к иллюзорным и недостижимым целям, слепота перед лицом целей подлинных;
- полное бездействие, пассивное ожидание, довольство смутными и примитивными представлениями об истине;
- кампанейщина, подражательство, непостоянство и – безразличие (как пел В. Цой, «Все говорят, что мы вместе, но никто не знает, в каком» ...).

В пьесе Годо так и не приходит. И неудивительно...

Но возвращаясь к вопросу о пути: так каким путем идет каждый из нас?.. Или, может быть, есть пятый вариант? Вариант пути осмысленного и целенаправленного?..

Сократ говорил, что неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее тянуть.

Я не поклонница Николая Островского, но люблю одну половину одной его фразы: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы...» Вот только ответ на вопрос «как?» у нас с Островским

различается...

Глава 2. Что, где, когда

Время – движущий образ неподвижной вечности.

Жан-Жак Руссо

К сожалению, если мы хотим разговаривать о чем-либо серьезно, нам надо точно определить как тему разговора, так и его основные понятия, а это бывает очень непросто. Поэтому сегодня нашим мозгам (у кого есть) придется потрудиться.

А о чем, собственно, мы собираемся разговаривать? О нашем будущем – в том числе и отдаленном.

Изучение любого процесса или явления есть, по сути, поиск ответа на сакраментальные вопросы «Что? Где? Когда?» Но «где» и «когда» носит вполне земной, я бы сказала, прагматичный характер. Хотя категории времени и пространства являются более, чем сложными. И для нас они находятся на стыке научного и «обыденного» – не будем сейчас вдаваться в противопоставление этих двух областей, интуитивно мы его и так понимаем.

Уникальность Христа как события в мире и в истории в гуманитарно-культурном, этическом, социальном, наконец, эсхатологическом аспектах настолько очевидна, что даже не обсуждается (не дискутируется) в христианских кругах. Гораздо реже эта уникальность рассматривается в метафизическом смысле. Причин, вероятно, несколько, и все

они субъективны. Метафизика как таковая – равно как и космология – не поле для поиска «гуманитарных» умов, в то время как богословие – область все же гуманитарного знания. Существуют, конечно, богословы, вышедшие из естественнонаучных кругов, но сложно было бы перечислить тех, кто успешно совместил (не последовательно, а одновременно) два этих типа мышления. Еще одной причиной, связанной с первой, является некая робость богословов перед лицом бурного развития естественных наук, техники и технологии: Христос в виде формулы или, по крайней мере, жестко определенного термина представляется чуть ли не богохульством.

Но отказ от рассмотрения метафизической уникальности Христа невероятно обедняет наше представление не только о Нем, о Его ценности и роли, но и о нас самих.

Однако прежде, чем перейти к этой теме, необходимо определиться в терминах (к сожалению, именно их нечеткость часто вызывает ощущение, что работы на тему «Христианство и наука» – некая игра, совершенно не ставящая себе целью достижение какой-либо истины).

В ряде случаев я буду называть Бога просто «нечто». По сути, это абсолютно верно, поскольку Бог – Тот, к кому неприменимы никакие позитивные определения, кроме превосходных степеней – Тот, кто бесконечен и безначален, неизменен и невидим, т. е. не-что. При этом – существующее нечто.

Первое и основополагающее для нас понятие – «вечность». Как-никак, вопрос о вечной жизни никому не безразличен...

Вот как определяет вечность Ф. Шид:

«Вечность Бога означает, что Он бесконечная активность и одновременно всецелая неизменность».
Богословие и здравый смысл. Москва, 1997.

То есть в вечности ничто не изменяется, она не имеет начала и конца, в нее невозможно войти и из нее нельзя выйти. Именно поэтому вечность – атрибут Бога и, вообще-то, только Бога.

Несколько противоречит этому утверждению сотворение мира из ничего, которое может быть понято как вечность «ничто». К «ничто» тоже неприменимы никакие позитивные определения, но оно и не существует.

Здесь, наверное, самое время оговорить, что такое «существование», а также «бытие». «Быть» может только что-то. Что-то – это определенное «нечто». Определенное – т. е. пределы которого установлены. Таким образом «ничто» бытием не обладает. И «нечто» тоже.

«Существование» семантически связано с понятием «сущность, суть». «Сущность» или «суть» может быть только чего-то, определяемого ею, т. е. она устанавливает пределы чему-то. Таким образом, «ничто» не может существовать как таковое. В полном смысле противоположность между «нечто» и «ничто» есть противоположность между сущим

и не-сущим.

«Ничто» определяется весьма различными способами – чаще всего как хаос или праматерия. Однако признание вечности существования хаоса приводит к выводу, что сотворение есть, по сути, всего лишь упорядочивание чего-то, существующего вне Бога и не по Его воле.

Поскольку Бог вездесущ, то вне Него ничего быть не может. Тогда упорядочивается нечто в Боге, т. е. что-то в Нем было хаосом, что не соотносится с понятием Бога. И вообще, сотворение не есть «делание»...

В то же время логика понятна: если Бог сотворил мир из ничего, значит, оно уже было до акта творения. Ф. Шид дает определение, снимающее, на мой взгляд, это рассуждение:

«То, что является противоречием в определении – вообще не вещь. Это ничто».

Четырехугольный треугольник, круглый квадрат и пр. – ничто. (В этом же ряду находится и понятие ограниченности всемогущества Божьего – оно в невозможности создать вещь, противоречивую в определении, т. е. ничто). Круглый квадрат не обладает существованием.

Мир создан из ничего. В ничто сошло нечто, привнесшее сущность и, следовательно, существование. Именно в этом источник мистического ужаса, о котором пишет, в частности, Хайдеггер, страха Божьего. Именно поэтому поиск смысла жизни (сути, сущности жизни) – глубинная потреб-

ность человека.

Человек, висящий на ниточке Божественной воли над бездной ничто, «инстинктивно», как ребенок, хватается за все, чтобы укрепить свою связь с нечем, чтобы избежать возвращения в ничто, возвращения, которое, по сути, страшнее смерти. Таким образом, тварный мир находится между нечем и ничто.

Поскольку мир возник в результате «процедуры» изменения ничто, основная его характеристика – изменчивость (в отличие от неизменности нечего). Изменчивость проявляется прежде всего в двух основных всеобщих измерениях: времени и места.

Однако это означает, что никакое действие Бога не может быть одноразовым и даже более того, дискретным. Если Бог сотворил мир, то Он творит его вечно. Тогда если Христос воплотился, умер и воскрес, то и это происходит всегда, причем одновременно. Как подобное утверждение соотносится с историческим событием Воплощения и вообще с историческим процессом, мы поговорим позже.

Понятие вечности часто употребляется также по отношению к духовным существам и душам. Но это некорректно. Во-первых, духовные существа и души тварны, т. е. они имеют начало, во-вторых, они совершают отдельные действия, ограниченные во времени. Для временной протяженности такого рода – имеющей начало, но не имеющей конца – можно употребить понятие присносущности. Ф. Шид определя-

ет его несколько, на мой взгляд, причудливо:

«Существует специальный термин – „присносущность“ – обозначающий длительность духа, сущность или субстанция которого неизменна, хотя сам дух может испытывать привходящие изменения и в этом отношении он также находится во времени, но в так называемом дискретном времени, а не в непрерывном времени материальных объектов».

Если пользоваться всегда по определению ущербными аналогиями, то вечность – как солнце, светящее вне зависимости от того, видим мы это или нет, а присносущность духовных сущностей – как лампы, которые включаются время от времени, но не перестают существовать, будучи выключенными.

Однако для нас важно то, что присносущность – это не вечность, и войти в нее или выйти из нее можно, хотя вопрос о соотношении присносуственности и вечности особо сложен именно потому, что мы можем лишь строить о нем гипотезы, которые нам не дано проверить в ходе земной жизни.

Третий и последний термин этого ряда – «время». Время – это длительность, имеющая начало и конец, внутри которой возможны изменения и действия, как дискретные, так и непрерывные. В потоке времени пребывают материальные объекты.

Неизменности Бога соответствует Вечность; непрерывной изменчивости материи соответствует Время. Время – это

длительность того, что изменяется, как вечность – это длительность того, что не изменяется. Вопрос о возможности перехода из времени в присносущность и в вечность, а также обратно по сути есть вопрос о возможности перехода материи в дух, в том числе и Божий. К этому мы еще вернемся.

Аналогично определяется триада «вездесущность – бесконечность – пространство».

Вездесущность – атрибут Бога, связанный с отсутствием в Нем составных частей, с одной стороны, и тем, что Он пронизывает все бытие всех вещей, с другой. Это тоже весьма важный и интересный момент, вновь отсылающий нас к тезису о сотворении мира из ничего. «Абсолютно все вещи поддерживаются в существовании не чем иным, как непрекращающимся желанием Бога, чтобы они продолжали существовать». При этом, вероятно, следует говорить не только обо всех вещах, но и обо всех их составных частях. Таким образом, если воспринимать желание Бога как силу, то Бог вездесущ в том смысле, что в любой вещи присутствует божественная составляющая. Иначе говоря, совершенно «материальных» (в рамках противопоставления «духовным») вещей не существует. Но и к этому мы еще вернемся.

Бесконечность – как и присносущность – атрибут тварных сущностей, имеющих начало – в отличии от безначальности. Интересно заметить, что если разговор о присносущности духовного воспринимается спокойно, то разговор о его ограниченности вызывает протест.

Стала более, чем привычной мысль, что протяженность имеют только материальные объекты, только они могут занимать место в пространстве. И если второе верно, то первое – спорно. Эта спорность имеет право на существование в рамках разговора о форме как еще одном атрибуте материи. Именно по этому пункту современной физикой был нанесен сокрушительный удар. Выяснилось, что есть вещи, совершенно очевидно не являющиеся духовными в общепринятом смысле, но не обладающие формой. Если же форма не есть необходимый атрибут материи, то, возможно, и протяженность тоже может оказаться свойственной духовности.

Что, например, мешает нам представить себе ангела по аналогии с той же лампочкой, включающейся по воле Бога и имеющей свой радиус освещенности? Или же мы должны говорить о «псевдодуховных» объектах – волнах, энергиях и т. п. – или же о «квазиматериальных» объектах, обитающих в бесконечности, например, об ангелах?

Согласно «Краткому словарю философских терминов» форма налагает на вещь определенный способ бытия, является принципом ее упорядоченности, структурированности, качественной определенности, завершенности. У Аристотеля и Аквината форма организует материю вещи, дает индивидуальной вещи реальное бытие. Таким образом, форма – сущность вещи. В этом определении речь идет о взаимосвязи формы и материи. Но что тогда определяет духовные творения?

Если у духа без материи нет сущности (поскольку нет формы), то он, очевидно, не существует. Если действительность не имеет сущности – она не существует. Чтобы попытаться это понять, посмотрим, что такое материя. По Аристотелю это нечто, способное обретать форму, по Аквинату – то, что нуждается в форме, чтобы дать вещам бытие и индивидуальность, по Бергсону – «нечто протяженное в пространстве, непрерывно начинающееся заново настоящее».

Если все верно, то тварный дух для обретения сущности и существования действительно нуждается в форме, т. е. в определенности и, следовательно, в материи. Тогда можно начинать размышлять о воскрешении прославленной плоти, телесном взятии на небо Девы Марии и, наконец, о воскрешении Христа. Иначе говоря, о неразрывности духовного и материального в тварном мире – как видимом, так и невидимом.

Подобный подход вызывает протест потому, что явно или имплицитно мы различаем духовное и материальное как сознательное, воспринимающее и перерабатывающее информацию, и «глухое». Сюда же относятся воля и ее свобода, самосознание и пр. Но рассматриваемые в таком аспекте, духовное и материальное никак не связаны с теми метафизическими проблемами, о которых мы говорим. Нет никаких оснований утверждать, что нечто, имеющее волю, не может иметь пространственное и временное измерения (не в качестве части духовно-материального субъекта, а само по се-

бе). Тогда волны материальны, ангелы духовны, но это никак не отражается на их месте в пространственно-временном континууме.

Пространство как «место обитания» материи характеризуется сосуществованием «чисто материальных» объектов, имеющих несотворенную духовную (в варианте желания Бога) и материальную (занимающую место в пространстве) составляющие; а также объектов, имеющих еще и тварно-бесплотную составляющую (обладающих духом, телом и душой), и объектов бесплотных, чья материальная составляющая не занимает места в пространстве.

Подобные утомительные попытки разграничения духовного и материального на метафизическом уровне заставляют меня отказаться от них и предложить рассматривать материю как одну из форм существования духовного. На мой взгляд, это достаточно перспективное направление размышления. Так же для упрощения заменим понятие материи на «плоть», а тварного духовного на «бесплотность», употребляя понятие «дух» только по отношению к Богу.

Тогда в вечности /вездесущности пребывает Бог, в присносущности /бесконечности – тварные объекты, не обладающие плотью, во времени /пространстве – тварные объекты, обладающие плотью. При этом Бог присутствует и на двух других уровнях Своим непрекращающимся желанием как составной частью всего сотворенного, тварные бесплотные объекты присутствуют на «плотском» уровне как составная

часть одушевленных существ.

Казалось бы, стало чуть понятнее. Но это только иллюзия. Возникли новые и весьма сложные вопросы:

– если в вечность нельзя войти и из нее нельзя выйти, то либо человека не ждет вечная жизнь, либо она у него и так вечная. Во втором случае становится профанацией вопрос о спасении;

– если Бог не подвержен изменениям, то Он либо вечно совершает акт творения, либо никогда его не совершал;

– если мир поддерживается в существовании вечным желанием Бога, а Бог неизменен, то мир – в том числе и плотской – вечен;

– если Иисус Христос – Бог, то Он вечен и неизменен. Тогда либо Он постоянно рождается, умирает и воскресает, либо этого никогда не происходило.

Существует еще ряд «дурацких» вопросов, но пока хватит и этих.

Для первого из сформулированных недоумений путь к решению лежит через Божественный замысел (естественно, вечный) и его воплощение. Спасение – адекватное воплощение Божественного замысла, слияние тварного и нетварного. Тогда речь должна идти не столько о вечном творении, сколько о вечном и все более полном воплощении.

Это же касается и материи: наиболее полное воплощение Божественного замысла о материи – дух. Именно поэтому мы ожидаем воскресения плоти, преображенной в соответ-

ствии с замыслом о себе. Поскольку бесплотное еще не есть духовное, то спасения требуют и тварные бесплотные существа.

Если вспомнить историю творения, то человек был создан как синтез двух начал – плотского и бесплотного, что изначально предопределило для него возможность осознанно существовать в двух мирах – пространства/времени и присущности/бесконечности. Если чисто плотские тварности не могут по собственной воле стать бесплотными, а бесплотные – плотскими, то человек может актуализировать обе свои составляющие.

Однако хотя в любом творении присутствует духовная составляющая, актуализировать ее значительно сложнее. Бесплотные существа и бесплотная составляющая в человеке обладают способностью сознательного выбора и осознанного стремления. Однако осознанное стремление означает наличие идеала. Только в воплощении, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа были соединены все миры и слиты в едином замысле все составляющие. Как лишь через человека плотской мир может, преображаясь, присутствовать в мире бесплотном, а мир бесплотный – в плотском, так только через Сына Божьего человек может присутствовать в мире духовном.

При этом Сын Божий воплощен и постоянно воплощается, проходя те же ступени, в каждом из нас, но в Иисусе Христе воплощение достигло своего идеала, т. е. полного соот-

ветствия замыслу.

В любом человеке воплощается Сын Божий и, в соответствии с личным свободным выбором, либо преображает, либо нет его плотскую и бесплотную составляющие.

Еще одно. «Ничто» как противоречие в определении не является абсолютным. Две пересекающиеся параллельные прямые – противоречие в двухмерном пространстве, снимаемое в пространстве трехмерном. Снятие противоречий – путь к воплощению Божественного замысла не только для человека, но и для всего мира, включая «ничто».

Но история имеет дело не с отдельными личностями, а с социумами. Социум сам по себе является весьма парадоксальным образованием. Состоя из пространственно определенных элементов (людей), он сам таковым не является. Время его существования не совпадает с временем существования ее элементов – отдельные люди умирают и рождаются, а социум остается, или наоборот. Можно было бы сказать, что его нет, если бы мы по собственному опыту не знали, что он есть. Замечу, что сравнение с ульем или косяком рыбы некорректно, поскольку социум многомерен, и человек является одновременно членом нескольких социальных групп (я – член групп женщин, россиянок, исследователей, любителей вязания и еще множества групп), состав которых не пересекается. Как и человек, социум имеет плотскую и бесплотную составляющие, при этом бесплотная доминирует.

Но если человека сотворил Бог, то социум – результат раз-

деления и противопоставления, он возник как плод грехопадения, в широком смысле – нарушения воли Бога. Вспомним хотя бы историю с Вавилонской башней. Это важный нюанс, к которому мы еще вернемся.

Но обратимся вновь к соотношению космологических категорий. Есть ли во времени что-то, чего нет в присносущности и в вечности? Да, изменчивость, а вслед за ней – конец, смерть.

Как я уже писала, в идеале изменения должны вести ко все более адекватному воплощению замысла. Но это в идеале. В реальности изменения ведут к распаду. Должны ли мы предполагать, что распад и есть наиболее адекватное воплощение замысла? Видимо, да, но не всеобщий распад, а уничтожение разделений, возникших в результате отображения во времени вечного образа. Этот вечный образ – Царство Небесное.

Существование реального социума основано на разделении. Преодоление этого разделения приводит к смерти соответствующего социума. В этом и состоит суть исторического процесса. Однако страх смерти, распада порождает прежде всего инстинкт самосохранения со всеми вытекающими последствиями – борьбой за выживание любой ценой.

Но ему также должно соответствовать нечто в присносущности. Все многочисленные противоречия реального исторического процесса сведены здесь в борьбу добра и зла, света и тьмы. В чем смысл этой борьбы? Проблеме возникно-

вения зла посвящено такое множество богословских трудов, что даже поверхностный их обзор увел бы нас вдаль от рассматриваемой темы. В абсолютном измерении добро – это соответствие замыслу, зло – противоречие ему. Но в измерении конкретном – тварном – все несколько сложнее. Замыслу Божьему противостоят личные умыслы, лишь в некотором смысле соответствующие ему. Любое действие несет зло одному субъекту и добро – другому. Война планируется как причинение зла одной стороне ради блага другой. Снятие разделения вынуждает зло конкретизироваться. Именно это соответствует присносущности.

Но в вечности – в Царстве Небесном – нет уже и этого противопоставления, ибо в вечности невозможна динамика, а следовательно, и победа.

Вездесущность, бесконечность и пространство могут быть проанализированы аналогично. Смерть личности (в частности) есть прежде всего распад ее пространственного воплощения. Смерть социума – распад бесконечного воплощения. Но здесь речь идет не столько о преодолении разделения, сколько о преодолении отделения, ограничения.

И, следовательно, вопрос о возможности перехода «материи» в «дух» и исчезновение связанного с ней пространственно-временного мира решается однозначно: это не только возможно, но и необходимо. Вероятно, столь же необходимо исчезновение, переход присносущно-бесконечного мира в вечно-вездесущий, но об этом нам сложно судить

обоснованно.

Однако есть ли у всех этих размышлений прикладное значение? В методологическом аспекте – да, поскольку они позволяют по-иному осмыслить вопрос «что?», что именно происходило в некоем месте в некое время.

Это становится возможным в связи с введением в исследование исходной точки и конечного пункта земной истории. Появляется как бы эталон, с которым можно сравнивать реальные события. Правда, этот эталон имеет умозрительный характер, поскольку все сведения о Царстве Небесном получены из мистического опыта. Однако в данном контексте представляется уместным напомнить слова Иоанна Павла II в энциклике «Вера и разум» относительно невозможности свести понятие опыта к воспроизводимому и повторяемому эксперименту. Мистический опыт должен быть также введен в научный оборот (тем более, что в определенном смысле он может быть воспроизведен и повторен).

Я думаю, что вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что традиционная история как наука никого и ничему не учит (я имею ввиду практическую – политическую и социальную – сторону). Предлагаемый подход придает науке моральное измерение и прогностическую функцию. Ведь в конце концов, в чем смысл изучения истории, если не в том, чтобы понять наш путь, цель, смысл происходящего. По сути, именно соотнесение постоянного воплощения Замысла с историческим Воплощением и есть смысл истории.

Тогда мы имеем две триады: «Замысел – Богочеловек – человек» и «Замысел – Царство Небесное – общество». Богословие учит, что воплощение Царства Небесного на земле – это Церковь. Здесь не место для дискуссии на подобную тему, отмечу лишь, что если это так, то далеко не все согласятся пребывать в Царствии Небесном – слишком уж много пороков у его земного воплощения.

Церковь объясняет такое положение тем, что она – не только святая, небесная, но и грешная, земная. Но это утверждение несколько удивляет – не помешала же Богочеловеку Его земная составляющая оставаться безгрешным...

Видимо, пора вернуться к тому важному нюансу, о котором я уже упоминала – происхождение социума из грехопадения. Если Богочеловек – Сын Божий, рожденный прежде всех веков, то социум – «сын греха». И тогда если Богочеловек сошел от Отца на землю, то социум должен подняться к Нему. И в принципе такая тенденция существовала всегда – объединение родов в племя, всевозможные империи, затем союзы, блоки...

Все эти зубодробительные построения нужны нам для того, чтобы более осмысленно говорить о том, что такое жизнь и смерть, человек и животное, дух и душа... И – что особо важно – вечная жизнь, рай и ад, спасение и обреченность...

Глава 3. Жизнь

*Кто знает, может быть, жить —
это значит умереть, а умереть — жить.*

Эврипид

Вчера у меня был кошмарный день! Я нашла более 130 определений, что такое жизнь (не считая пословиц, поговорок и крылатых выражений) и выяснила, что жизнь — это:

Активная форма существования материи

Совокупность физических и химических процессов, протекающих в клетке

Процесс или система, вектор развития которой противоположен по направлению к остальным, «неживым» объектам вселенной

Характеристика состояния организма

Особый способ бытия организмов

Свойство материи

Высокоустойчивое состояние вещества

Одна из высших форм движения материи

Замкнутый круг рефлексорной деятельности

Самоподдерживающаяся химическая система, способная к дарвиновской эволюции

специфическая форма организации материи.

Существует более ста определений понятия «жизнь», и многие из них противоречат друг другу. Жизнь может

определяться через такие слова как «система», «вещество», «сложность (информации)», « (само-) воспроизведение», «эволюция», и т. д. Минимальное определение, согласующееся с 123 определениями: жизнь – это самовоспроизведение с изменениями.

Еще там было про энергетические разности, второй закон термодинамики, энтропию, нуклеопротеидные тела. Особенно мне понравилось такое определение:

«Фазово-обособленная форма существования функционирующих автокатализаторов, способных к химическим мутациям и претерпевших достаточно длительную эволюцию за счёт естественного отбора»!

Но в конце концов я дошла до важной фразы: «Более или менее точно определить понятие „жизнь“ можно только перечислением качеств, отличающих её от нежизни.» Правда, что такое «нежизнь» тоже непонятно (в отличие от «нежити»), но я решила, что это «неживая природа», и хотя думаю, что в результате дальнейшего развития науки выяснится, что вся природа – живая (вот любопытная цитата:

«В настоящее время наиболее результативным оказался уровень, связанный с познанием молекулярных основ жизни. Возможности этого уровня исследования еще далеко не реализованы, однако тенденции развития современного научного знания подвели его к необходимости перехода на исследование еще более глубоких структур и процессов живого. Объектом исследования становятся атомный и электронный

уровень организации структур живого».

Так, представления об атомных и электронных состояниях структур живого, в частности, Дж. Бернал посчитал необходимым включить в определение сущности:

«Жизнь есть частичная, непрерывная, прогрессирующая, многообразная и взаимодействующая со средой самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов»)

,было принято волевое решение оставить за пределами рассмотрения все, что связано с противопоставлением живого и неживого.

Я сломалась, когда осознала идею про молекулярный и атомный уровни жизни: это значит, что во мне живут, рождаются, влюбляются, размножаются миллионы живых организмов, а я об этом даже ничего не знаю! Или это я совокупность миллионов живых? Может, именно в этот момент какая-то атомиха безнадежно влюбилась в какой-то атом, а он отказывается сливаться с ней в молекулу... Как ей помочь? И как вообще вести себя, чтобы им во мне было хорошо? Или мне – из них...

Я – старушка впечатлительная, поэтому решила выпить чайку для успокоения, но по дороге к плите поняла, что в воде – тоже миллионы живых, которые сейчас погибнут в процессе кипячения! А Бог велел не убивать, но не уточнил, кого именно... К тому же у меня получится не чай, а бульон...

Бульона мне не хотелось...

По той же причине не удалось поужинать... И сегодня я проснулась голодная и злая с твердым решением стать пофигисткой и не озадачиваться судьбой влюбленной атомихи!

В качестве первого шага были отложены все естествен-нонаучные определения жизни. Пришел черед определенных философских. Не могу сказать, что полегчало! Как вам вот это?

«получивший в философии широкое распространение термин, указывающий на способность материи и материальных систем к самодвижению и эволюции, включающей прогрессивное и регрессивное развитие, понимаемые, соответственно, как усложнение структуры и функций материальных систем, становление все более сложных форм движения материи, ведущее к возникновению органической жизни и живой материи, возникновению и развитию в них информационных структур и процессов, обеспечивающих на более высоких ступенях развития появление психики, а затем коллективного и индивидуального сознания, и процессы разрушения материальных систем, достигших более или менее высокого уровня развития, упрощения материальных систем и их структур, снижение уровня развития форм движения материи и т. д.»

«Всем живым организмам свойственны два признака: целостность и самовоспроизведение. В ходе индивидуально-го изменения (онтогенеза) организмы приспосабливаются

к внешним условиям, а смена поколений приобретает эволюционно-исторический характер (филогенез). Организмы выработали способность к относительной независимости от внешней среды (автономность). Всякий живой организм как бы стремится к главному – воспроизведению себе подобных». Судя по всему, монахи и монахини не относятся к живым организмам...

В общем, в философии есть про движущую силу жизни, про ее цель, про ее свойства, что, безусловно, важно, но немножко далеко от нашей темы. Нам бы просто понять, что это такое...

Да и вообще, жизнь рассматривается чаще всего в контексте исследований, посвященных другим темам – культуре, искусству, истории, психологии. Так что здесь ясности и конкретности мы тоже не найдем. Попробуем порыться в Библии.

В Ветхом завете два еврейских слова передают понятие «жизнь» *hay* (чаще всего во мн. ч. *hayyim*) и *peres*. Из них намного чаще употребляется слово *hayyim*.

Человек как живое существо обладает *hayyim*. Это слово в широком смысле означает активное существование, в котором преобладает идея движения (ср. Быт 7:21; Лев 11:10; Иез47:9; Деян 17:28). Это же слово входит в состав выражения «древо жизни».

Древо жизни, райское древо – дерево посреди райского сада, плоды которого дают вечную жизнь, посаженное Богом.

В Библии говорится:

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9)

Адаму было запрещено вкушать плоды с Древа познания Добра и Зла (Быт. 2, 17), плоды Древа жизни запрещены не были, после грехопадения Адам и Ева теряют доступ к этому дереву:

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22)

В«среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов.» (Откр. 22,2).

В Новом Завете часто встречается слово *зое*; оно соответствует ветхозаветному *hauiim* и означает жизнеспособность, свойственную человеку. Это слово охватывает все понятия, обозначающие элементы, из которых складывается жизнь (Лк 12:15; Деян 8:33; 17:25; 1 Пет 3:10), поэтому всякий раз употребляется в сочетании «жизнь вечная» (Ин 3:15,16,36; 4:14; Рим 6:23; 1 Тим 6:12).

Каждый живой человек обладает *перес*. Это слово обычно переводится как «душа», иногда как «дыхание» и 99 раз как «жизнь». *Перес* присуща всему живому (Иов 12:10),

но выражает отдельное существование человека (ср. Быт 2:7; 12:13; Исх 12:15), в отличие от *ḡiiah*.

Слово *ḡiiah* встречается 378 раз, часто в значении перес (ср. Ис 26:9), и обычно означает «жизненную силу». У человека и скота одно дыхание (Еккл 3:19; ср. Быт 6:17; 7:15,22), источник его в Боге. Иногда присутствие *ḡiiah* противопоставляется его отсутствию, т. е. смерти (ср. Быт 45:27; 1 Цар 30:12; Пс 103:29).

В Новом завете три слова передают понятие «жизнь» *bios*, *zoe*, *psyche*.

Bios употребляется несколько раз и означает земное существование (Лк 8:14; 2Тим2:2; 2Тим 2:4; 1 Пет4:2; 1 Ин 2:16), а также источники, поддерживающие это существование («пропитание», Мк 12:44; Лк 8:43; 15:12,30; 21:4; «достаток», 1 Ин 3:17).

Psyche это одушевляющий принцип жизни; он соответствует ветхозаветному *peres* (Деян 20:10) и переводится как «душа» (Деян 2:43; 3:23; Рим 13:1). *Psychi* может означать земную жизнь (ср. Мф 10:28; 16:25) и жизнь вечную в Царствии Божьем (Лк 21:19; Евр 10:39).

То есть существует «жизнь» как жизнеспособность (получаемая от древа жизни), как душа и как жизненная сила (понимаемые как дыхание). И отдельное слово – для жизни земной...

Бог, имеющий причину своего бытия лишь в себе самом, часто предстает в Библии как Бог живой (напр., Втор 5:26;

Нав 3:10; Пс 83:2; Мф 26:63; Ин 6:69; Рим 9:26). «А *Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный...*» (Иер 10:10). Давая клятву, евреи употребляли выражение «*Ибо жив Господь*» (напр., 1 Цар 14:39,45; 19:6). Бог живой «*дарует всем жизнь и дыхание и все*» (Деян 17:25; ср. Быт 2:7) и властен отнимать жизнь (Втор 30:19; ср. Суд 13:3; Иов 34:14,15).

Изучая отрывки из Ветхого Завета, можно увидеть, что выражение «Бог живой» говорит о том, что Бог присутствует и активно действует в мире как создатель и неиссякаемый источник физической и духовной жизни.

Но Бог есть дух, то есть Он, вроде бы, не имеет тела. А значит не жизнь является формой существования материи, а материя есть форма существования жизни! И следовательно, существуют другие формы существования жизни...

В Новом Завете вечное бытие Божье вполне разделяет Сын Божий. Петр исповедует Христа «Сыном Бога живого» (Мф 16:16). В Ин 6:57 Иисус возвещает, что «живый Отец» послал Его, и говорит: «Я живу Отцем».

«Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе.» (Ин 5,26)

Если древо жизни – источник жизнеспособности, то источник жизненной силы, души, – дыхание.

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.» (Быт. 2,7)

«Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь.» (Иов 33,4)

Попробуем соотнести эти цитаты с нашей повседневной жизнью.

В процессе развития биологии последовательно расширялось понятие дыхания. Первоначально оно мыслилось только как работа легких и дыхание растения отрицалось; лишь позднее дыхание стало рассматриваться как процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа одноклеточными и многоклеточными животными и растениями. Еще позднее, исходя из познания самой сущности дыхания, при котором освобождается необходимая для жизнедеятельности энергия, стали понимать под дыханием любой способ добывания энергии организмом.

Тут есть любопытный аспект: Бог дышит, что в естественнонаучном понимании означает освобождение энергии, необходимой для жизнедеятельности, то есть души. Вот интересно – естественнонаучные и безрелигиозные построения в конечном счете оказываются вполне библейскими...

Но давайте перенесем разговор о душе (и о крови) в другой раздел, где попробуем разобраться в триаде «дух – душа – тело».

А закончу я это размышление вот такой цитатой:

«В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.» (Ин. 1,4)

Глава 4. Рождение и смерть

Смерть – один из шагов в нашем непрерывном развитии.

Когда-то таким шагом было и наше рождение, с той разницей, что рождение —

смерть для одной формы бытия, а смерть – рождение в другую форму бытия.

Смерть – счастье для умирающего человека, ведь умирая, перестаешь быть смертным.

Теодор Паркер

Раз уж мы поговорили о жизни, поговорим и о смерти, хотя на самом деле правильное сопоставление – не «жизнь» и «смерть», а «рождение» и «смерть», потому что жизнь – это процесс, состояние, а рождение и смерть – события.

Есть такой летний праздник феррагосто, очень красочно проходящий в Италии в середине августа. Связан он с днем, который в католичестве называется Взятием на небо Девы Марии, а в православии – Успением Богоматери. Но в чем его смысл и почему он по-разному называется в разных конфессиях? И кстати, почему это вообще праздник?

Слово «успение» означает по-простому «смерть» – отсюда «усопший». Идея празднования смерти, да еще с карнавалами, танцами и скачками вызывает у людей, не знакомых с христианским вероучением, некоторое изумление. И дело не только в том, что смерть в христианстве воспринимается

не как конец, а как начало жизни, но теперь уже вечной – в этом смысле празднование Воскресения Христова. Однако успение Богоматери имеет и другой смысл. В Новом Завете о смерти Девы Марии не упоминается и первые века христианства – вплоть до IV—VI вв., – ее день никак не отмечался. Существует только цикл сочинений *Transitus Mariae*, но он считается апокрифическим, т. е. хотя и написанным на библейские темы, но не вошедшим в принятый Церковью канон. Согласно его сведениям, Богоматерь умерла естественной смертью и была похоронена в Гефсимании, но, когда ее могилу вскрыли, в ней обнаружили только букет свежих роз.

В Ветхом Завете тоже есть аналогичный сюжет – о Моисее, который умер, но его могила и останки не обнаружены. И обоснованием его телесного взятия на небо служит сюжет Преображения Господня, в котором являются Илия, описание взятия которого на небо есть в Ветхом Завете, и Моисей. Сюжет о Деве Марии очень похож. И с одной стороны, это может служить подтверждением мнения о ее телесном вознесении, а с другой – пониматься как чисто литературное подражание. Так, собственно, и развивалось богословское представление о судьбе Богоматери – православие решило не утверждать ничего конкретного на этот счет и празднует Успение. Католичество же, после долгих дебатов, заняло другую позицию. Хотя споры были очень активными и даже ожесточенными – вплоть до того, что поставили Католическую Церковь перед угрозой раскола. Чтобы избежать его,

папа римский Пий XII особым декретом, используя свое право на безошибочное суждение, ввел догмат о телесном вознесении Богоматери. Кстати, строго говоря, это был единственный случай использования догмата о безошибочности папы, который часто ставят в вину католикам.

И все же почему Церковь празднует – именно празднует, на Западе весело и красочно, – день смерти? Казалось бы, плакать надо – Мать нашего Бога умерла. И тем не менее успение Богоматери – радостное событие, в котором воплотилась надежда человека – практически, любого человека, как верующего, так и атеиста – надежда на вечную жизнь, на то, что смерть – это не конец. Конечно, можно сказать, что Воскресение Христово – истинный знак нашей надежды. Но Иисус все-таки Бог, и то, что возможно Ему, вполне может оказаться недостижимым для нас, людей. И в этом все дело: Дева Мария – одна из нас, простая девушка из в общем-то обычной семьи. И ее воскресение – воскресение человека, а не Бога. И значит, у нас тоже есть шанс.

Но что такое рождение и смерть? Приведем для начала словарные определения:

Рождение – разрешение от бремени; появление

Антонимы – частичн.: смерть; исчезновение

Смерть – необратимое прекращение жизнедеятельности организма; полное прекращение деятельности или существования

Синонимы – кончина, – конец

Антонимы – жизнь; – рождение; – воскрешение; – [расцвет](#)

Тут можно заметить некоторую асимметричность понятий: если рождение предполагается не как начало, а как появление, то смерть предполагается как конец, а не как исчезновение. Но это, скорее всего, связано с нашим повседневным опытом: рождению предшествует беременность (даже в переносном смысле – по опыту знаю, что рождению книги предшествует период беременности ею) и поэтому его трудно воспринимать как начало, а после смерти остается труп, поэтому ее трудно воспринимать как исчезновение. Однако это лишь видимое противоречие.

Наученная горьким опытом найти определения жизни в естественнонаучном круге понятий, я уже с опаской приступила к новым поискам, но на этот раз все оказалось проще: про рождение вообще почти ничего нет, а **Смерть** – прекращение, полная остановка биологических и физиологических процессов организма.

При этом разделяют несколько видов смерти: клиническая, биологическая и окончательная... А еще есть смерть мозга...

Согласно приказу Министерства здравоохранения России, следующие признаки указывают на смерть мозга:

Но мы сами на опыте знаем, что смерть – это когда человек, или животное, или растение было, а потом его больше нет. Тело есть, какие-то клетки еще наверняка живы, но его нет... А чего именно нет?

Лев Толстой отмечал:

«Понятие жизни представляется сначала человеку самым простым и ясным. Прежде всего человеку кажется, что жизнь в нем, в его теле. Я живу в теле, стало быть жизнь в моем теле. Но как только человек начнет искать эту жизнь в известном теле, так сейчас и являются затруднения. Ее нет в ногтях и волосах, но и нет в ноге, в руке... нет и в крови, нет и в сердце, нет и в мозгу. А есть везде и нигде нет. И оказывается, что по месту жительства найти ее нельзя. Тогда человек ищет ее во времени, и тоже сначала кажется очень просто... Но опять, как станешь искать ее во времени, так сейчас видишь, что и тут дело не просто. ... Искать, оказывается, если уже искать ее, то не в пространстве, не во времени, не как следствие и причину, а как что-то такое, что я в себе знаю совсем независимо от пространства, времени и причины».

Ошибка анимизма, выявленная Декартом,

«состоит в том, что, из того, что все мертвые тела теряют тепло и способность к движению, сделали вывод, что прекратило эти движения и тепло именно отсутствие души. Таким образом, считалось, что естественная теплота и движения нашего тела зависят от души, тогда как мы, наоборот, должны утверждать, что душа становится отсутствующей, лишь когда тело умирает, и что именно поэтому прекращается теплота и перестают

функционировать органы, обеспечивающие движение тела. Чтобы избежать этой ошибки, допустим, что смерть приходит не по вине души, но лишь потому, что перестают функционировать некоторые главные части тела».

В самом процессе онтогенеза заложены уже признаки старения, что выражено коротко в известной формуле Энгельса: «Жить значит умирать». Были попытки объяснить смерть как результат необратимого распада какого-то одного сложного и очень лабильного вещества. Леб, например, думал, что живое тело имеет какой-то изначальный запас этого вещества и к смерти приводит израсходование его.

Приведу характерный пример рассуждения: «В действительности причины старения и смерти заложены в самой основе процесса жизни как постоянного самообновления. При зародышевом развитии чередуются периоды интенсивного роста и интенсивной дифференцировки. Высокодифференцированные клетки нервной системы, как правило, утрачивают способность размножаться, и число их в мозгу новорожденных не меньше, чем в мозгу взрослого человека. Отсутствие размножения, т. е. обновления, приводит к накоплению продуктов обмена в клетках, к неблагоприятным соотношениям между массой клетки и ее поверхностью и т. д. В соответствии с этим ухудшаются условия питания высокодифференцированных клеток. Непрерывная жизнедеятельность этих клеток связана с образованием продуктов

обмена, часть которых трудно растворима или нерастворима и откладывается в клетках как балласт. Утрата способности к делению закрывает для таких важнейших для организма в целом клеток, как нервные, путь к обновлению. Дифференцировка клеток и утрата ими способности к делению могут рассматриваться как важнейшие причины старения». Наверное, тут все правильно, только вот вопрос: а почему клетки перестают размножаться? Делились-делились, а потом вдруг расхотели?..

Попробуем продолжить наши поиски в философии. Она также не интересуется рождением, а ситуация со смертью несколько странная.

В XIX веке француз Танглю определял смерть как общее свойство всех живых. М. Ф. К. Биша говорил, что жизнь — это совокупность явлений, противящихся смерти.

Но большинство философов сосредоточены на проблеме страха смерти, а не на самом феномене, но поскольку не это нас интересует, приведем только несколько примеров. Вахтангов некогда учил акторов играть не «образ», а «отношение к образу». Так и философы разделяются на тех, кто исследует «образ бытия» (Платон, Гегель, Хайдеггер), и тех, кто исследует «отношение к образу бытия» (Шопенгауэр, Авенариус, Мах, Ницше, Сартр, Маркузе).

Эпикур боролся со страхом смерти такими рассуждениями: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения...

Все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, – не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия... Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют».

Артур Шопенгауэр полагал, что мир, основанный на стихийной, неведомо откуда взявшейся «воле к жизни», не достоин самого себя, ибо раздроблен на множество «маленьких воль», каждая из которых претендует на самообожествление. Так не честнее ли признать в абсурде «войны всех против всех», в том, что наш мир – не наилучший, а наихудший из возможных?

«...Хотел того Шопенгауэр или не хотел, но фактическим, реальным и – главное – действенным результатом, увенчавшим его философскую систему, оказалась специфическая формулировка проблемы смерти. Им была сформулирована проблема „истинности“ смерти, „подлинности“ небытия, понятого как небытие вечно живущей Воли, –

эта проблема сменила вопрос об истинной жизни, который был дискредитирован тем, что сама жизнь была объявлена предельным воплощением всякой неистинности».

Фридрих Ницше мысли о смерти сжал в своих книгах, как пружину. Смерть для него – катализатор действия, побуждающий человека напрягать все жизненные силы. «Мысль о смерти, – фиксирует Ницше свое состояние в сочинении «Веселая Наука». —

Мне доставляет меланхолическое счастье жить в этом лабиринте улочек, потребностей, голосов; сколько наслаждения, нетерпения, ненасытности, сколько жаждущей жизни и опьянения жизнью обнаруживается здесь с каждым мгновением! И, однако, скоро настанет такой покой для всех этих шумящих, живущих, жаждущих жизни! Взгляните, как стоит за каждым его тень, его темный спутник ...И все, все думают, что все, случившееся до сих пор, было ничем либо мало чем и что близкое будущее есть все: и отсюда эта спешка, этот крик, это самооглушение и самонадувательство! Каждой хочет быть первым в этом будущем, – и все же только смерть и гробовая тишина есть общее для всех и единственно достоверное в нем! Как странно, что эта единственная достоверность и общность не имеет почти никакой власти над людьми и что они наиболее далеки от того, чтобы чувствовать себя братьями

во смерти!»

Стоики говорили, что смерть – самое важное событие жизни и научиться хорошо жить – это значит научиться хорошо умирать. И вот эта мысль, этот подход, который, на самом деле, является для нас самым интересным, пронизывает все произведения Хайдеггера. Недаром Хайдеггер считал смерть куда более важным явлением, чем жизнь, ибо она, смерть, и делает жизнь жизнью, персонифицирует ее. Наше бытие, по Хайдеггеру, – это есть «бытие-к-смерти».

Я очень люблю Хайдеггера, но прямое цитирование его произведений кажется мне бессмысленным и очень сложным. Дело в том, что он изобрел собственные термины, собственные слова для описания, выражения невыразимого. Любой, кто сталкивался в своей жизни с прозрением, знает это мучительное трагическое состояние: невозможность корректно его изложить из-за отсутствия в языке необходимых слов: «Бог сидит на троне» – во-первых, не сидит, у него попы нет, во-вторых, не на троне – по той же причине... А как описать, что Он делает?.. Поверьте, эта скудость человеческого языка иногда доводит до отчаянья!

Хайдеггер подошел к этой проблеме коренным образом – он просто изобрел свои слова. Но нам, читателям, приходится трудиться в поте своих ума и души, чтобы понять его... Поэтому я не берусь излагать философию Хайдеггера, я просто поделюсь своими размышлениями над ней. Но в этой главе – только некоторыми из них, о других – позже.

Для характеристики *человеческого* бытия Хайдеггер использует термин «*das Dasein*». В немецком языке глагол *sein* означает «быть», «существовать», а «*dasein*» – «присутствовать», «быть налицо». Входящая во второе слово часть «*da*» имеет значение «там», «тогда», «вот», и потому при помощи нее указывается, что речь идет не о «бытии вообще», а о «бытии вот тут сейчас присутствующем». К этому хайдеггеровскому понятию очень трудно подобрать эквивалентное русское слово, поэтому переводчики предлагали разные варианты: «вот-бытие», «наличное бытие», «существование», «бытие-сознание», «присутствие». Мы будем обозначать понятие «*Dasein*» словом «*пребывание*». В русском языке несовершенная форма глагола «бывать» выражает неокончателность, временность, нецелостность существования того, о ком идет речь («иногда он бывал на наших заседаниях» – а иногда и не бывал, зачастую подразумевается, что чаще всего не бывал). Именно эти особенности существования человека хотел зафиксировать Хайдеггер в слове «*Dasein*».

Бытие и пребывание принципиально различны. Пребывание заброшено в уже существующий мир, что означает его временной характер, в отличие от бытия, начало и конец которого нам неизвестны, да и в целом непознаваемы (о чем поговорим позже). Бытие безразлично к моему пребыванию в нем, пребывание же – активный элемент бытия.

Пребывать в мире, быть живым – значит существовать

к смерти. Человек способен осознавать свою смертность и тем самым – временный характер своего пребывания в этом мире, истину своего бытия. Когда человек «забывает» эту истину, его существование, как полагает Хайдеггер, не является подлинным. Оно становится подобным существованию вещей или живых существ, не сознающих того, что они есть, что они принадлежат *бытию*.

Что же такое смерть? Хайдеггер характеризует понятие смерти так:

«Смерть как конец пребывания есть наиболее свойственная, безотносительная, несомненная и как таковая неопределенная возможность пребывания. Смерть есть конец пребывания в бытии данного существующего к своему концу».

Тут нас как-то смущает слово «возможность», мы, как правило, понимаем возможность как не-необходимость, не-обязательность. Но у Хайдеггера несколько иное отношение, чисто гносеологическое. Да и опять-таки перевод хромает: здесь говорится о том, что смерть возможна с самого момента рождения, то есть начала пребывания – всегда, в любой момент, в любой ситуации, и именно в том, что мы не знаем, ни когда, ни где, ни как она наступит, и есть ее неопределенность и неопределимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.